

«Люди, цените мир. Ведь это самое дорогое, что есть на земле...»

«УГ» пообщалась с ветераном ПГУ Ж. К. Козловой, пережившей страшное военное лихолетье

71-летие Победы

Жанна Константиновна Козлова (1937 г. р.) — учитель биологии. После окончания Пединститута им. В. Г. Белинского она долгое время работала в школе. А с 1993-го по 2011-й — в ПГУ садовником. Теми прекрасными клумбами, которые разбиты возле главных корпусов, мы обязаны именно ей.

— Я родилась в 1937 г. в Ленинграде. Мой отец Константин Леуто в то время обучался в военной академии. Нас было в семье двое детей: я и моя младшая сестренка Эмма.

Перед войной мамыны родители из Краснодара предложили забрать Эмму к себе на время. Мама нехотя согласилась (знала бы она тогда, что тем самым спасла своей малютке жизнь!).

Началась война... Помню все как в тумане. Слезы, причитания матери, лихорадочные сборы, поезд, набитый битком женщинами и детьми... Мы едем впятером: я, мама, младший брат отца и тетя Соня с сыном. Только успели проехать мост, выехав из Ленинграда, — бомбежка! Это настоящий ад... Уже сейчас, с высоты прожитых лет, думаю: наверное, у меня всегда был ангел-хранитель! В противном случае жизнь четырехлетней девочки закончилась бы еще тогда, в том пылающем разбитом составе, закончилась бы, так и не успев толком начаться.

Видимо, то, что я была слишком мала и не понимала всего ужаса войны, и спасло мою детскую психику, когда мы, спотыкаясь о трупы и раненых, бежали прочь, ища укрытие. В толпе и неразберихе я потеряла маму! Я орала как ненормальная, заглушая своими криками всю канонаду: «Мама! Мама! Пустите меня к маме!» Помню, как взрослые держали меня, не давая высунуться, а тетя Соня пыталась успокоить, уговаривала: «Тише, Жанночка, тише! Мама нас найдет, успокойся». Но этого не произошло. Сразу после бомбежки и обстрела пошел немецкий десант, и мы оказались на занятой фашистами территории. Произошло, как я узнала позже, разделение: мама с Володей остались на той, советской, стороне и вернулись в Ленинград, а мы оказались по ту сторону фронта, на оккупированной территории. Куда идти? Тетя Соня с сыном жили в Литве, но вернуться домой они не могли, так как ее муж был секретарем обкома партии и фашисты сразу бы повесили их, надумай они вернуться. Прибалтику немцы заняли быстро. Тетя Соня, ведя за руки двоих малолетних детей, отправилась пешком к своим родителям в Белоруссию. Народ тогда был хороший, отзывчивый, нам подавали милостыню, подвозили на подводах, иногда в деревнях пускали на ночлег. Добрались мы лишь в середине октября. Помню, уже лежал снег. Спасибо, что в одной деревне мне дали большие валенки. Я в них буквально тонула, зато было тепло.

Партизан в тех краях еще не было, да и немцы только-только занимали территорию и еще не успели толком укрепить свою власть. Для тети Сони придумали «легенду» (благо, что все документы сгорели), а из местных полицаяв ее мужа никто не знал. В общем, какое-то время жили спокойно. Дедушка с бабушкой, хотя и были в возрасте, но с хозяйством справлялись хорошо — мы не голодали. Единственное, что омрачало наше сносное существование, — отсутствие известий о моей семье...

Мой отец тем временем защищал Пулковские высоты, сражался с фашистами. Мама и младший брат отца оказались в осажденном Ленинграде и пережили все ужасы блокады. Они с тяжелой дистрофией были впоследствии вывезены по знаменитой Дороге жизни — по льду Ладожского озера — и таким образом чудом остались живы. Маму переправили на Урал, где опытные врачи сумели поставить ее на ноги. Чуть позже, к концу войны, она добралась до Краснодара, где ее ждала моя сестра Эмма... Но мы на тот момент в 42-м году ничего об этом не знали.

Наступил роковой 43-й год. О том, что он какой-то особенный в этой войне, я поняла сразу, по тихим разговорам взрослых, по частым отлучкам моих старших двоюродных братьев (Куда? Неизвестно!) и по какой-то нервной суете, которая вдруг передалась оккупантам. Вдруг стали у местных жителей забирать скот, полицаи стали очень подозрительны и начали чутко следить за всеми жителями деревни. Немцы перестали гонять на своих мотоциклах по тем дорогам, что граничили с лесом. То и дело на улице были слышны слова «Партизанен!». И наконец, с моста, что располагался недалеко у станции, полетели под откос фашистские поезда. Партизанское движение набирало силу... Конечно, было очень радостно, что в войне наступил перелом и наша армия стала гнать врагов. Но начались и репрессии. Всем, кто помогал партизанам, объявлялась смертная казнь. Однако репрессии не остановили деревенскую молодежь. Друг за другом потихоньку местные ребята и девушки стали уходить к партизанам. Ушли в отряд и дети нашей тети Оли. Кто-то из полицаяв донес. Кроме тети Оли, схватили нашу соседку и еще несколько человек. Их всех заперли в сарае за селом, готовились расстрелять. До сих пор не пойму, каким же образом этим бедолагам удалось выкрутиться и их отпустили. Кажется, они напелли с три короба о том, что молодежь подалась в город на заработки. Расстреливать никого не стали, но для острастки ночью подожгли дома подозреваемых. И хорошо хоть, не подперли двери и люди смогли выскочить! До сих пор свежо в памяти: стоим мы все в чем успели выскочить из дома и смотрим, как горят наши хаты. Слезы льются из глаз женщин.

А у соседки окно было открыто, и там видно, как на столе стоит большая крынка с молоком. Я смотрю как завороженная на эту картину... Вот огонь поднимается по ножкам стола, вот он уже лижет клеенку столешницы, молоко вскипает от жара огромной белой пеной, поднимается вверх — хрясь! Банка от огня лопается, и белый водопад потоком обрушивается вниз. От созерцания картины меня оторвал детский возглас: «Мама, я успею, хоть что-то спасу!» Девочка-подросток делает шаг к горящему дому, но крепкие руки матери останавливают ее. И буквально через мгновение огненная балка потолка с треском и шипением падает вниз, как раз туда, где еще недавно стояла девочка... Вот тоже, «в рубашке родилась».

Когда сгорел наш дом, мы все перебрались жить в сарай во дворе. Хорошо хоть не зима была. А через какое-то время — новая беда! Немцы решили, что все наше село надлежит отправить в Германию. Все жители бросились врассыпную — в леса,



болота. Дедушка у нас хорошо знал болото, поэтому мы спаслись. Но не всем так повезло, как нам...

Только-только утихли страсти, как через месяц — новая облава! В этот раз схватили практически всех. Погрузили нас в вагоны для скота, вместе с изъятым у односельчан скотом. Повезли... Не помню, какие мысли тогда у меня были. Но не успели доехать до Минска, как случилось чудо — партизаны отбили состав. Всех нас переправили в партизанский отряд. Помню, мы, ребяташки, живя в лесу и глядя, как партизаны варят кашу на кострах, хватались друг другу, что «партизаны — самые смелые и самые умные, захватывают поезда с продуктами у фашистов!».

К осени 43-го фашисты уже бежали восточнее. Все жители вновь вернулись домой.

Правда, было исключение. Проходящие мимо чехи оказались сильно злыми на односельчан за то, что у местных не оказалось для них достаточно провианта (единственную корову дедушка вовремя укрыл в лесу). Они очень сильно нас напугали! Выбили прикладами все окна, поставили нас всех на колени, грозили расстрелять... А у нас действительно брать было нечего.

Осенью 43-го наступил голод. Хлеб готовили из дубовых желудей, а картофельную шелуху мы, ребяташки, подбирали возле немецких складов. Тетя Оля посылала нас за этой шелухой, поскольку ребяташек немцы не трогали. А много ли наберешь этих картофельных очисток за один раз? Мы делали два круга, а на третий часовой уже грозил нам ружьем: «На хаус, на хаус»...

Помню еще два жутких эпизода. Первый, когда меня чуть не расстрелял фашистский самолет. Я шла по железнодорожной насыпи в сторону леса, а тут откуда ни возьмись летит самолет. И стал стрелять! Я бежала в ужасе и только слышала, как отскакивают пули от насыпи. И как я тогда жива осталась?! Наверное, Бог спас. Второй эпизод, когда мы с моей подружкой Алей ходили в соседнюю деревеньку Колыбовку (подружка предложила навещать ее бабушку). Я, не спросив разрешения дома, тихонько убежала с ней. Шли мы по дороге, а заслышав шум мотоциклов, прятались в придорожных оврагах. Не доходя до хаты бабушки, увидели раскрытый овин, стоявший на краю деревни, а возле него — целую грудку серого (порошка). Мы, недолго думая, нагребли этого порошка во все карманы и пошли дальше. Увидев нас, бабушка охнула от испуга: «Да как вы

прошли-то? Там ведь везде посты!». Она схватила нас буквально в охапку и огородами вывела за деревню. Там быстро вывернула наши карманы, высыпав порошок (я до сих пор так и не поняла, что это было: порох?), велела срочно бежать домой! При этом строго-настрого наказала, чтобы мы шли не по дороге, а лесом. Дома я даже не рассказала о своем путешествии. Это было вечером. А ночью мы все проснулись от огромного, яркого, полыхающего зарева. Это горела Колыбовка. Утром стало известно, что всех жителей фашисты согнали в овин на краю деревни и там расстреляли... И уже теперь, с высоты прожитых лет, я благодарю эту бабушку, вспоминая добрым словом.

Отступая, враги минировали не только дороги, но и поля. По этой причине мы не могли даже сажать картошку: негде было. Помню, в ноябре 43-го к нам в хату зашел немецкий офицер и на ломаном русском стал спрашивать, как им лучше найти дорогу в этой местности, не нарвавшись на мины. Тетя Оля объяснила, что дороги здесь нигде нет, а можно идти только через лес (она прекрасно осознавала, что в лес немцы не сунутся даже под страхом смерти!). А я, бестолковая, услышав, что спрашивают дорогу, выскочила вперед: «А я дорогу знаю! Я ходила в ту сторону!». Бабушка, дернув меня за руку, отвесила мне такой подзатыльник, что я, хныча, спряталась за печку. А буквально через два дня к нам в дом заглянули уже наши бойцы! Дело было ночью, я спала на печке. Но меня растормошили, стянули с печки: «Жанночка, ты говорила, что знаешь дорогу, как пройти! Расскажи нашим солдатам». Я с гордостью рассказала, что нужно идти в обход, мимо оврагов по тропочке. И закончила с достоинством: «Я сама туда ходила с подружкой, в Колыбовку!». Все мои домашние чуть не упали от неожиданности. А молодой солдат вытащил большой кусок сахара и протянул мне: «Это смелой девочке за ее помощь нашему отряду». Я в растерянности посмотрела на бабушку: можно ли брать? (Дело в том, что бабушка всегда строго-настрого мне наказывала: ничего не брать у незнакомых людей!) Бабушка с улыбкой кивнула. Так, с сахаром за щекой я и уснула на печке...

Помню, декабрь 43-го. Все население нашего села погрузили на грузовики и вывезли за 300 километров в тыл, на восток. Дело в том, что в нашей местности начались кровопролитные бои! Мы, ребяташки, легли рядом с теплыми боками коровушки, чтобы хоть как-то не замерзнуть во время поездки. Когда мы ехали, было видно, как полыхало зарево боев! Живя в тылу, все мы натерпелись лиха. Голод жуткий, холод лютый... От слабости я переболела всеми детскими болезнями. Чуть не умерла тогда! После выздоровления я напоминала ходячий скелет... Так вот, в борьбе с разрухой и голодом и прошел весь тяжелый 44-й год.

В 45-м, как только появилась возможность писать письма, мама нашла меня. Чуть позже с победой вернулся и наш отец. Семья воссоединилась. Еще тогда я осознала, что небесные силы все-таки существуют. Но сколько пришлось пережить... Никому не пожелаю! Люди, цените мир. Ведь это самое дорогое, что есть на земле...

Записала Людмила МИЛОСЛАВСКАЯ